
18+

Изольда Январская

Anima. Изношенный холст.

«Автор»
2026

Январская И.

Anima. Изношенный холст. / И. Январская — «Автор», 2026

Анна верила, что её жизнь — это привычный быт, вынужденный переезд из Англии на Лазурный берег Италии и бесконечная забота о тяжелобольной матери. Она терпела удушливую жару, чужой язык и давящее одиночество. Но каждую ночь, едва закрывая глаза, Анна видела другой мир. Мир тринадцатого века, каменистый утес Роккабруна, ревущее свинцовое море и прекрасного лорда Дамиана, который сходил с ума от горя, выкликая её имя в пустоту шторма.

© Январская И., 2026
© Автор, 2026

Изольда Январская
Anima. Изношенный холст.

Глава 1. Чужое солнце

Лазурный берег Италии пах цитрусами, солью и чужой, слишком громкой жизнью. Из окна новой квартиры Анны было видно море — ослепительно синее, почти неестественное после приглушённых, серо-зелёных пейзажей её родного английского городка. Но вместо того чтобы радоваться этому открыточному виду, Анна видела в нём лишь напоминание о том, как далеко она оказалась от всего, что любила. Ей было восемнадцать. Возраст, когда её подруги в Англии выбирали платья для выпускного, строили планы на университет и сплетничали на парковках у кофейни, смеясь до слез. Анна тоже могла остаться там. У неё был шанс. Но когда мама в очередной раз закашлялась от промозглого английского ветра, а врач мягко, но настойчиво повторил слово «климат», выбор исчез сам собой. Анна не могла бросить семью. — Анни, принеси, пожалуйста, ингалятор, — раздался из спальни тихий, хриплый голос матери. Анна тут же отставила нераспакованную коробку с книгами и вошла в спальню. Рутина уже стала её второй кожей. Найти лекарство, налить тёплой воды строго определённой температуры, поправить подушки. Элеоноре было всего сорок три года, но изнуряющая болезнь безжалостно украла у неё молодость. До того как астма и постоянные хрипы заперли её в четырёх стенах, она была классической английской розой — с безупречной фарфоровой кожей, мягкими каштановыми волосами и тонкими, аристократичными чертами лица. Сейчас от прежней Норы остался лишь изящный, но исхудавший силуэт. Тонкие запястья казались настолько хрупкими, что Анна боялась сжать их слишком сильно, а под огромными, когда-то лучистыми глазами залегли нездоровые синеватые тени. Мягкие волосы были небрежно собраны на затылке, обнажая тонкую шею. В этой новой квартире Нора Блейк казалась блеклым призраком, туманным воспоминанием об Англии, которое случайно занесло на этот знойный южный берег. На её плечах неизменно лежала старая серая шерстяная шаль — мамин главный якорь из прошлой жизни, с которым она отказывалась расставаться даже в сорокаградусную жару. Приняв из рук дочери ингалятор и сделав глубокий вдох, Элеонора откинулась на подушки. Переезд дался ей тяжело, но местный морской воздух действительно творил чудеса — изматывающие приступы удушья стали реже. — Спасибо, Анни, — тихо, со своей привычной мягкой хрипотцой пропела она, растягивая слова со старинным английским выговором. В её взгляде, устремлённом на дочь, читалось колоссальное, сжигающее чувство вины. Она прекрасно знала, какую цену её семья заплатила за этот «целебный климат». — Мне уже лучше, родная. Иди отдыхай. Нора слабо, виновато улыбнулась бледными губами, и ради этой хрупкой улыбки Анна была готова терпеть любую усталость и любые жертвы. Отец пропадал на работе с раннего утра. Чтобы оплатить этот внезапный переезд, аренду квартиры и бесконечные счета за лечение, он согласился на контракт с местной строительной фирмой. Он уходил, когда солнце ещё не встало, и возвращался, когда Анна уже засыпала. Весь дом — от стирки и готовки до оформления документов на новом, едва понятном итальянском языке — лёг на её плечи. Вечером, перед своим первым днём в местном колледже, Анна сидела на кухне. На столе лежал учебник итальянского и расписание занятий. Буквы расплывались перед глазами от усталости. Ей было страшно. Завтра ей предстояло войти в класс, где все знают друг друга с детства, где говорят на языке, который она едва понимала, и где она навсегда останется «той странной иностранкой». Она чувствовала себя невероятно одинокой. Друзья из Англии писали всё реже — у них была своя, бурлящая жизнь. А у Анны были только стены чужой квартиры, запах лекарств и вечная, давящая усталость. Она выключила свет, легла в кровать и уставилась в потолок, слушая далёкий, мерный шум итальянского прибоя. «Пожалуйста, пусть завтра всё будет хорошо», — мысленно попросила она темноту, чувствуя, как проваливается

в тяжёлый, глубокий сон. Анна ещё не знала, что в эту ночь, среди хаоса чужой реальности, её подсознание распахнёт дверь в мир, из которого ей больше никогда не захочется возвращаться. Жизнь Анны разделилась на «до» и «после» не тогда, когда она села в самолёт до Италии, а тогда, когда она впервые увидела *его*. В эту ночь ей не снились ни коробки с вещами, ни коридоры колледжа. В эту ночь Анна оказалась не внутри привычного сновидения, а в каком-то зыбком, пугающем пространстве между двумя мирами. Она словно застыла в воздухе — невидимая, бесплотная, вынужденная со стороны наблюдать за тем, что разворачивалось перед её глазами. Анна стояла на самом краю отвесной скалы. Свинцовое, древнее море ревело с первобытной яростью, волны с грохотом разбивались о каменное подножие, взбивая клубы антрацитово-черной пены. Начиналась страшная буря. Вдруг из лесной чащи на открытое пространство утеса выбежала стройная девушка. На ней было тяжелое, роскошное платье изумрудного цвета с золотым шитьем — наряд настоящей леди. Она бежала к самому краю обрыва, отчаянно путаясь в мокрых полах бархата. Подбежав к бездне, беглянка на секунду помедлила, оглянувшись назад на стену деревьев и прошептав одними губами: - Дамиан. В её глазах застыл такой дикий, загнанный ужас, что Анна, наблюдавшая за этим со стороны, почувствовала, как внутри всё сжалось. Секунда — и изумрудная леди рванула вниз, прямо в ревущую пустоту. Анна вскрикнула от шока и судорожно прижала ладонь ко рту. В то же мгновение на скалу с топотом вылетели преследователи. Это были люди в грязных, промокших одеждах, вооруженные и безжалостные. Рядом с ними хрипели и рвались с поводков огромные псы. Ополченцы кружили по скале, яростно заглядывая в обрыв, они кричали и грязно ругались, проклиная всё на свете — приказ был четким: её нужно было взять живой. Время для Анны потекло странно, рывками. Бунтовщики обыскивали берег, но в конце концов ни с чем скрылись в темноте. Прошло несколько долгих, невыносимых часов. Дождь уже хлестал вовсю, превращая землю в грязь, когда на утес на взмыленном коне прискакал молодой человек. Он был очень красив, высок и крепок. Ветер трепал его мокрые темные волосы, а в пронзительных голубых глазах застыло такое отчаяние, какого Анна никогда не видела у живых людей. Это был Дамиан. Он резко спешился, бросив поводья, бросился к обрыву и, заглянув вниз, бессильно упал на колени прямо в грязь. Его плечи содрогались под безжалостными каплями ливня. Она разминулась со своим женихом на считанные минуты. Смотря на его ломающуюся от горя фигуру, Анна вдруг услышала музыку. Та самая чужеродная мелодия, которая всегда прерывала её сны, возникла из ниоткуда. Она становилась все громче, настойчивее и оглушительнее, заполняя собой рев шторма и шум дождя, готовясь снова утянуть Анну в мир современной Италии. Здание колледжа имени Данте Алигьери встретило Анну пронзительным, дребезжащим звоном колокола и гулом сотен голосов, сливающихся в сплошную, непонятную стену звука. Солнце безжалостно заливало внутренний дворик, отражаясь от белого мрамора так ослепительно ярко, что у неё с непривычки слезились глаза. После пасмурного, тихого Рединга, где утренний туман мягко укутывал старые кирпичные улочки и сглаживал углы, эта средиземноморская экспрессия казалась агрессивной, почти осязаемой. Анна стояла у массивных деревянных ворот, судорожно сжимая в руках лямку старого рюкзака. Мимо проносились компании студентов, которые бурно жестикулировали, обнимались после каникул, смеялись и перекрикивали друг друга. Она не понимала и трети из того, что они говорили. Отдельные знакомые слова — *ciao*, *esame*, *università*, которые она часами зазубривала по ночам по старым самоучителям, — мгновенно тонули в пулеметных очередях чужой беглой речи. Чужой смех казался ей направленным против неё, а каждый случайный взгляд — оценивающим. Когда она вошла в лекционную аудиторию истории искусств, разговоры на мгновение стихли. Десятки глаз уставились на неё с вежливым, но холодным любопытством. — Ah, la ragazza inglese, — негромко произнес профессор Бьянки, грузный мужчина с пышными усами и тяжелыми роговыми очками. Он сделал небрежный жест рукой, указывая ей на свободное место на самом заднем ряду. Анна поспешно двинулась по

проходу, чувствуя, как горят щеки. Справа от неё две девушки в одинаковых легких льняных рубашках переглянулись и что-то зашептали, бросив выразительный взгляд на её слишком закрытую, теплую для местного климата джинсовку. Анна опустилась на стул и уткнулась взглядом в чистую тетрадь. Ей казалось, что на лбу у неё огромными буквами написано одно-единственное слово: «Чужая». Лекция превратилась в изощренную пытку. Профессор говорил быстро, эмоционально, расхаживая мимо доски. Анна пыталась записывать, но итальянские фразы расплывались. Стоило ей перевести в уме одно предложение, как профессор уходил уже далеко вперед, упоминая фрески, эпохи и фамилии мастеров, которые Анна просто не успевала фиксировать. К концу пары в ее тетради красовалось лишь несколько сиротливых дат и куча знаков вопроса. На перемене никто не подошел к ней, чтобы познакомиться. Не из злости или высокомерия — просто у местных уже были свои компании, сложившиеся годами, свои шутки и общие воспоминания о школьных временах. Анна стояла у окна в коридоре, глядя на залитый солнцем внутренний двор, и чувствовала себя прозрачным стеклянным призраком. Друзья из Англии не писали уже три дня. Группа в мессенджере, где раньше каждую минуту всплывали мемы и планы на выходные, затихла. Реальность Анны сжалась до размеров этого холодного мраморного подоконника. Спрятаться от позора и накатывающих слез хотелось в самом тихом месте колледжа — старой библиотеке. Это было прохладное, застоявшееся помещение, пахнущее столетней кожей, сухими чернилами и вековой пылью. Огромные дубовые стеллажи уходили под самый потолок, превращая зал в лабиринт. Анна судорожно блуждала между рядами секции «История Лигурии», пытаясь найти хоть какой-то иллюстрированный альбом, где не нужно было переводить тонны текста. На одном из резких поворотов, уткнувшись взглядом в пол, она буквально влетела в кого-то, кто стоял на деревянной стремянке. Раздался глухой стук, и тяжелая стопка фолиантов лавиной обрушилась на пол. Анна отшатнулась, едва не потеряв равновесие, но чья-то сильная рука перехватила её за локоть, удерживая на ногах. — Оу, осторожнее! Похоже, на эту секцию совершено внезапное английское нападение, — раздался мягкий, ироничный голос. Анна подняла глаза и увидела парня, который легко спрыгнул со стремянки. На вид ему было около двадцати двух лет. Он был высоким, худощавым, с той естественной, слегка небрежной грацией, которая выдавала в нем человека, проводящего ночи за чтением. Из-за круглых очков в тонкой металлической оправе на Анну смотрели удивительно живые, внимательные орехово-зеленые глаза. Его светлые, слегка вьющиеся волосы были растрепаны, а на левой щеке виднелся бледный след от чернил. На нем был свободный вязаный свитер цвета сухой травы с растянутыми манжетами и простые джинсы. На груди болтался пластиковый бейдж: «Леонардо. Аспирант кафедры медиевистики». — Простите, — быстро заговорила Анна, путаясь в итальянских окончаниях и отчаянно пытаясь собрать рассыпавшиеся книги. — Я не хотела… Я просто… — Эй, всё в порядке, расслабься, — Лео присел на корточки рядом с ней, ловко подхватывая тяжелые тома. — Я Лео. И, судя по твоему лицу, ты ищешь не легкое чтиво на выходные, а способ сбежать с лекции профессора Бьянки? Он сегодня особенно грозен, да? Анна замерла, удерживая в руках потрепанный переплет. В отличие от остальных студентов, Лео смотрел на неё саму, и в его взгляде не было холода. А главное — он говорил на безупречном английском. Это было так непривычно и облегчающе, что у Анны перехватило дыхание. — Вы… вы говорите по-английски? — тихо спросила она. — У меня была долгая стажировка в Оксфорде, — улыбнулся Лео. — К тому же, в этой библиотеке я дежурю три дня в неделю. Так что, если тебе нужно убежище от лигурийской готики Бьянки или просто место, где никто не будет кричать слишком громко, ты его нашла. Заходи, если станет совсем тяжело. В тот день Анна быстро поблагодарила его и поспешила уйти, испугавшись собственной уязвимости. Но барьер был сломан. В последующие дни библиотека стала ее ежедневным ритуалом, а дружба с Лео завязывалась постепенно, незаметно, возвращая ей почву под ногами. Сначала это были просто короткие кивки при встрече. Затем Лео стал тайно оставлять на

ее любимом столе у окна чашку горячего чая с лимоном — зная из коротких диалогов, как сильно она скучает по дому. Еще через неделю он подсел к ней, заметив, как она мучается над переводом сложной статьи. Лео просто и с юмором объяснял ей тонкости итальянских идиом, и с ним Анна впервые за все время в Италии начала искренне смеяться. Он стал ее единственной ниточкой к нормальности. Однако дома реальность оставалась суровой и давящей. Когда последний семинар закончился, у неё физически болела голова от постоянного напряжения. Стены новой квартиры встретили её привычной тишиной, разбавляемой лишь тихим тиканьем часов и слабым кашлем из спальни. Спрятав глубоко внутрь усталость, Анна проведала маму, поправила ей теплое одеяло, принесла свежий отвар и аккуратно разложила вечерние таблетки. Отец вернулся, когда стрелки часов перевалили за восемь. За дверью послышался тяжелый, шаркающий шаг, за которым последовал глухой стук сброшенных рабочих ботинок. Когда Томас вошел в коридор, Анна невольно сжалась от того, насколько изможденным он выглядел. В свои сорок шесть лет Томас Блейк всегда был крупным, сильным мужчина с широкими плечами и мощным торсом. Еще в Англии он работал архитектором-реставратором, но здесь, без языка, его согласились взять лишь простым рабочим на строящийся бетонный объект. Сейчас его спина была согнута под тяжестью невидимой плиты. Короткие волосы покрывала густая, грязноватая проседь, особенно заметная на висках, где осталась темная вмятина от защитной каски. Обветренное, загорелое под палящим южным солнцем лицо казалось высеченным из камня: на лбу прорезались глубокие морщины, а вокруг глаз залегли темные свинцовые тени. Больше всего Анну пугали его руки — огромные, узловатые рабочие ладони, покрытые въевшейся строительной пылью и свежими ссадинами. Цемент буквально въелся под ногти, и никакое мыло не могло его вымыть. От отца разило потом, дешевым табаком, к которому он пристрастился от стресса на строительных лесах, и сырой известкой. — Привет, ласточка, — глухо произнес он. Его низкий голос звучал надтреснуто. Он даже не попытался улыбнуться — на это у него просто не осталось мимических сил. Томас подошел к раковине и принялся яростно, до красноты тереть ладони жесткой щеткой, но они оставались серыми. Из спальни, опираясь на стену, медленно вышла Элеонора — всё такая же бледная, худая, с неизменной серой шалью на хрупких плечах. — Том, дорогой, ты совсем себя не жалеешь, — тихо, со своей привычной мягкой хрипотцой пропела мать, присаживаясь за стол. Ее тонкие пальцы мелко дрожали. — Анни, налей отцу супа, пожалуйста. Анна молча засуетилась у плиты. За столом воцарилась давящая, гулкая тишина, прерываемая лишь стуком ложек. Томас ел быстро, механически, уставившись в одну точку на скатерти. — Как на объекте, Том? — мягко спросила Нора, пытаясь расшевелить мужа. — Прораб всё так же… придирается? Томас замер, не донеся ложку до рта. В его усталых глазах на мгновение вспыхнул глухой, беспомощный гнев, но он тут же погасил его, тяжело вздохнув. — Все нормально, Нора. С языком тяжело. Они кричат, жестикулируют, злятся, что я не понимаю команды с полуслова, а я стою как столб. Настоящий идиот. Прораб сегодня орал так, что жилы на шее вздулись. Думает, если я иностранец, то и соображать не умею. Тяжело им объяснить, что я чертил такие здания, которые их фирма за век не построит. Но платят вовремя. На лекарства на следующий месяц хватит, — он перевел взгляд на Анну, и его огромная, теплая ладонь накрыла ее пальцы на столе. — Главное, чтобы ты училась, Анни. Колледж — это твой билет отсюда. Мы справимся. Нам просто нужно, чтобы ты была в порядке. Чтобы все это было не зря. Анне стало физически трудно дышать. Эти слова, сказанные с такой безграничной любовью и тяжестью, давили на нее сильнее бетонных плит. Она посмотрела на бледную, прозрачную мать, на ломающегося от непосильной работы отца и чувствовала себя предательницей. Ей хотелось кричать, что колледж — это ад, что она не понимает ни слова, но вместо этого она лишь выдавила бледную улыбку и кивнула. — Да, пап. Все хорошо. Я справлюсь. Семинары очень интересные. Мать слабо улыбнулась и виновато закашлялась в платок, пытаясь скрыть приступ. Томас тут же дернулся всем телом, в его фигуре проскользнуло то самое отчаянное,

ломающееся от бессилия движение, которое Анна каждую ночь видела у прекрасного лорда на скале в своих снах. «Они так похожи», — промелькнуло в ее воспаленном сознании пугающая мысль, от которой по спине пробежал холодок. Когда ужин закончился и родители ушли к себе, Анна осталась одна у раковины. Стены квартиры давили на нее. Ложь жгла изнутри. Чтобы немного набрать сил и глотнуть воздуха, она отправилась на побережье одна. Лазурный берег к вечеру притих. Анна шла вдоль кромки воды, позволяя прохладным волнам омывать пальцы ног. Морской бриз приятно холодил лицо, смывая остатки дневной тревоги. Она смотрела на закатное солнце, окрасившее воду в багровые тона, и пыталась найти в этом покой, понимая, что единственной светлой точкой в ее новой реальности стал Лео с его чаем и доброй поддержкой в пыльной тишине библиотеки. Нагулявшись по пустынному пляжу, Анна почувствовала, как наваливается свинцовая усталость. Она вернулась домой тихо, быстро переоделась в легкую пижаму, забралась под простыню и сразу же вырубилась. Реальность растаяла мгновенно, уступая место темноте, которая уже готовилась превратиться в штормовой утес. Состояние Анны ухудшалось с каждым днем, пока наконец её измученный организм полностью не сдался. Последнюю неделю она существовала словно за пеленой плотного, серого тумана. На лекциях профессора Бьянки итальянские фразы окончательно потеряли всякий смысл, сливаясь в сплошной, низкий гул, от которого ломило виски. В четверг на семинаре по медиевистике Анна сидела у самого окна, лениво подперев подбородок дрожащей ладонью. Ее тетрадь оставалась пустой — ручка просто выпадала из онемевших пальцев. Лео, сидевший через два ряда наискосок, не сводил с неё беспокойного, тяжелого взгляда орехово-зеленых глаз. Он видел, как пергаментно побледнела её кожа, какими глубокими, почти свинцовыми тенями залегли круги под глазами и как судорожно она вздрагивала от каждого резкого звука. Едва прозвенел колокол на перемену, Лео стремительно подошел к ее парте, проигнорировав толпу шумно собиравшихся студентов. — Анна, — тихо позвал он, присаживаясь на край соседнего стула. Его голос, обычно ироничный и легкий, сейчас вибрировал от неприкрытой тревоги. — Посмотри на меня. Анна с трудом повернула голову, словно шея налилась чугуном. Его круглые очки в тонкой оправе немного съехали набок, отражая блеклый свет ламп. — Ты ледяная, — произнес Лео, коснувшись кончиками пальцев ее ладони. Он отпрянул, нахмурившись. — Господи, Анна, ты вообще спишь? Ты выглядишь так, будто… будто таешь изнутри. Пожалуйста, давай я прямо сейчас отвезу тебя домой. К черту Бьянки, к черту этот семинар. — Все… все в порядке, Лео, — блеклым голосом соврала Анна, пытаясь улыбнуться, но губы ее едва слушались. — Просто легкое недосыпание. Из-за климата. Она попыталась встать, чтобы доказать свою правоту, но стоило ей оторваться от стула, как мир вокруг совершил безумный, болезненный кувырок. Пол резко ушел вбок, потолок накренился, а ослепительный итальянский свет в окнах взорвался тысячами цветных искр. Анна покачнулась, теряя опору. Ей показалось, что она летит в глухую, ревущую пустоту. — Анна! — донесся до нее испуганный, далекий крик Лео. Сильные руки парня перехватили ее поперек талии за долю секунды до того, как она рухнула бы лицом на жесткие мраморные плиты. В аудитории поднялся смутный шум, чьи-то вскрики, но Анна уже ничего не видела, погружаясь в липкую, серую полутьму. Сознание возвращалось короткими, рваными толчками. Первое, что ощутила Анна — резкий, удушливый запах шалфея и сильных мятных капель. Она лежала на мягкой кожаной кушетке в стерильно-белом медицинском кабинете колледжа. Голова тупо, пульсирующе болела. Рядом, бледный и взъерошенный, стоял Лео, судорожно сжимая в руках ее рюкзак. Чуть ближе, у самого изголовья, возвышалась монументальная фигура штатного доктора колледжа — Стефано Бруни. Это был подтянутый, безупречно одетый мужчина лет шестидесяти с аккуратно подстриженными серебряными волосами и интеллигентной бородкой. Он излучал абсолютное, почти гипнотическое спокойствие профессионала. Доктор мягко улыбался, но его глубокие стальные глаза оставались абсолютно холодными, изучающими. Они не осматривали Анну

— они ее препарировали. Больше всего Анну пугали его руки. Неестественно белые, с длинными пальцами пианиста, они двигались с пугающей, выверенной точностью часового механизма. Когда Бруни коснулся ее запястья, чтобы измерить пульс, его пальцы показались Анне ледяными, несмотря на тридцатиградусную южную жару за окном. На его шелковом темно-сером галстуке тускло поблескивала булавка в форме узкого, хищного серебряного пера. Анна смотрела на этот холодный металл, и в ее истощенном сознании смутно, болезненным ожогом всплывал образ острого лезвия, прижатого к ее горлу в ночных кошмарах. — Ну вот, наша прекрасная синьорина возвращается к нам, — негромко, убаюкивающим бархатным баритоном произнес доктор Бруни, убирая тонометр в кожаный саквояж. Замок саквояжа щелкнул с сухим, металлическим звуком. — Критическое истощение нервной системы, синьор Леонардо. Давление упало до пугающего минимума. Организм синьорины Анны буквально отключился от переутомления. — Это из-за учебы? — быстро спросил Лео, переводя взгляд с врача на Анну. — Не только, — Бруни повернулся к Анне, сочувственно и мягко наклонив голову, но его стальные глаза оставались мертвыми. — Тяжелый переезд из Англии, резкая смена климата, сложный языковой барьер и, насколько я знаю от администрации, непростая ситуация в семье… Вашему мозгу просто не хватает ресурсов. Он защищается, пытаясь сбежать от дневного стресса в этот неестественно глубокий, изматывающий сон. Я выписываю вам строгий постельный режим. Никаких лекций в ближайшие две недели. Полный покой. Доктор Бруни подошел к медицинскому шкафу, стекло которого тускло блеснуло. Достав оттуда небольшой флакон из темного стекла с прозрачной жидкостью, он аккуратно поставил его на тумбочку возле Анны. — Вот, — Бруни посмотрел прямо в ее глаза, и Анне показалось, что его голос проникает глубоко под корку ее мозга, усыпляя остатки воли. — Это сильное седативное средство на травах. Принимайте по пятнадцать капель строго перед сном. Оно заблокирует излишнюю активность уставшего разума, уберет кошмары и подарит вам беспрепятственный, глубокий отдых. Реальность требует сил, дитя мое. Доверьтесь мне. Лео вызвался проводить её до самого дома. Они шли медленно, петляя по узким, тенистым улочкам, которые спускались к морю. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая белые стены домов в мягкие розоватые тона. Лео практически всю дорогу поддерживал Анну за локоть, бережно подстраиваясь под ее шаткий, неровный шаг. — Анна, — нарушил он затянувшееся молчание, когда они вышли на финишную прямую к ее дому. Его голос звучал глухо и напряженно. — Послушай меня. Не пей эти капли. Анна удивленно подняла на него глаза. Лео остановился, разворачивая ее к себе за плечи. Его лицо за стеклами очков было абсолютно серьезным. — Я знаю этого Бруни, — тихо, оглядываясь по сторонам, произнес он. — Он общается с профессорами, ведет какие-то закрытые исследования в городской больнице Сан-Лючия. От него мороз по коже, Анна. Когда он смотрел на тебя там, в кабинете… у меня было стойкое ощущение, что он видит в тебе не пациента, а какую-то сложную формулу, которую ему нужно решить. Или запереть. Его успокоительные… они слишком сильные. Пожалуйста, пообещай мне, что ты просто отдохнешь сама. Без его химии. — Лео, он просто врач… — слабо попыталась возразить Анна, чувствуя, как свинцовая прохлада от пережитого обморока все еще держит ее тело. — Врачи так не смотрят, — отрезал Лео. Он мягко сжал ее ладони. На его губах появилась теплая, горьковатая улыбка. — Давай сделаем так. Ты сейчас придешь домой, ляжешь в постель. А в субботу я заеду за тобой. Мы пропустим все лекции, сбежим на дальний дикий пляж за мысом, купим самого дешевого мороженого и просто посидим у воды. Как нормальные люди. Без этой дурацкой готики Бьянки и без больничных запахов. Хорошо? Анна посмотрела в его искренние, полные глубокого дружеского беспокойства ореховые глаза и почувствовала, как к горлу подкатывает ком. Лео был единственным живым, осязаемым спасательным кругом в этой чужой стране. — Хорошо, Лео. Спасибо тебе, — тихо прошептала она. Она пообещала подумать, но в глубине души, за плотными слоями нарастающей усталости, внутри нее уже крепло совершенно

иное, лихорадочное и опасное решение. Домашняя реальность встретила Анны настоящим эмоциональным взрывом. Когда отец вернулся с объекта на час раньше, узнав от доктора Бруни по телефону о происшествии в колледже, он выглядел так, будто сам только что пережил страшную катастрофу. Томас Блейк ворвался в квартиру бледный, с растрепанными волосами, покрытыми серой цементной пылью. Увидев дочь, бледной тенью лежащую на диване в гостиной, этот огромный, сильный сорокашестилетний мужчина с широкими квадратными плечами вдруг как-то странно, ломано осел на колени прямо перед ней. Его узловатые рабочие ладони, покрытые свежими ссадинами от бетона, мелко, неуправляемо дрожали, когда он схватил ее холодные пальцы. — Анни… ласточка моя… Господи, что же это… — из его груди вырвался глухой, надрывный всхлип. Анна со смертельным ужасом увидела, как по его обветренным, загорелым под итальянским солнцем щекам покатились крупные, тяжелые слезы. Мужчина плакал навзрыд, уткнувшись лбом в ее колени. — Это я виноват. Это всё я. Заставил тебя тащить этот проклятый воз. Колледж, быт, документы на чужом языке, счета… Я думал, ты справляешься, а я… я просто ломал тебя каждый день. — Пап, ну что ты, перестань, все хорошо… — Анна сама разрыдалась, гладя его жесткие, испачканные известкой седые волосы. — Нет, не хорошо! — Томас поднял на нее лицо, искаженное острой, невыносимой мукой. — Твоя мама больна, но ты не должна расплачиваться за это своей молодостью. Доктор Бруни сказал, что твой мозг отключается от переутомления! С этого дня — никакого колледжа. Слышишь меня? Лежи. Просто лежи и отдыхай. Я возьму третью смену на ночном объекте. Прораб найдет мне часы. Я буду мыть эти бетономешалки зубами, если понадобится, но ты пальцем больше не ударишь о домашние дела. Я сам всё приготовлю Норе, сам уберу. Пожалуйста, Анна… просто вернись к нам. Будь в порядке. Мы не переживем, если с тобой что-то случится.тИз спани, опираясь на косяк двери, бледным призраком вышла Элеонора, укутанная в свою неизменную серую английскую шаль. Ее фарфоровое лицо было мокрым от тихих слез. Она не кашляла, она просто смотрела на дочь с безграничным, сжигающим чувством вины. Эти слова, эта колоссальная, жертвенная любовь фантомов-родителей давили на Анну сильнее любых бетонных плит. Ей было физически больно дышать от стыда. Ей хотелось кричать им, что она предательница, что она ненавидит этот мир, но вместо этого она лишь послушно кивала, глотая слезы. Позже, когда квартира погрузилась в ночную тишину, прерываемую лишь тяжелым дыханием спящего на коврике в гостиной отца, Анна закрылась в своей комнате. Она подошла к тумбочке. Взгляд упал на флакон Бруни. Слова Лео («Не пей капли, он странный») на мгновение всплыли в памяти, но лихорадочное, нарастающее с нарастающим нетерпением желание сбежать из этой изматывающей реальности было сильнее. Болезнь подарила ей легальный плен. Она взяла телефон, вошла в настройки и одним уверенным движением отключила утренний будильник. Больше никто не посмеет выдернуть ее. Она выпила капли, не считая — прямо из горлышка. Жидкая прохлада с привкусом горькой полыни почти мгновенно разлилась по венам. Анна легла в кровать, укрылась одеялом до самого подбородка и закрыла глаза. Ее разум мгновенно и глубоко провалился в темноту, стремительно улетая прочь от Лазурного берега. В эту ночь правила игры изменились окончательно. Замкнутый круг кошмара с ревущим штормом впервые разорвался, пропуская ее сознание вглубь Истинной Реальности. Анна открыла глаза и замерла от ослепительного, почти священного великолепия, хлынувшего в её чувства. Контраст с блеклой, душной квартирой в Италии был абсолютным. Над ней раскинулось ослепительно синее, глубокое полуденное небо тринадцатого века — небо, которое дышало, по которому лениво плыли тяжелые, осязаемые кучевые облака. Воздух был настолько плотным и чистым, что его, казалось, можно было пить. Пахло распустившимися белыми розами, влажной землей и сладким, пьянящим ароматом цветущего миндаля. Она стояла посреди великолепного, векового сада Лигурийского побережья. Повсюду аккуратными рядами тянулись изумрудные живые изгороди, а сквозь кроны исполинских дубов пробивались мягкие, золотистые

лучи солнца. Рядом мирно журчал круглый мраморный фонтан, выбрасывая тонкие струи прохладной воды. Анна посмотрела вниз и почувствовала, как внутри всё сжалось от странного, двойственного ощущения. Она видела свои руки — но это были не её привычные пальцы. На неё смотрели тонкие, аристократичные ладони с длинными ногтями, украшенные тяжелыми серебряными перстнями с незнакомыми рунами. Рукава платья были выполнены из нежно-лавандового шелка, а у корсажа пальцы натыкались на жесткое, искусно сплетенное серебряное кружево. Юбка мягкими волнами ниспадала до самой травы. Она была заперта внутри той самой лавандовой леди. Полностью. Осязая вес ткани, прохладу ветра на коже и даже легкое, частое биение чужого сердца. Ей было пугающе хорошо здесь. — Моя леди? — раздался со стороны тенистой аллеи глубокий, бархатный голос, от которого по спине Анны пробежала волна обжигающего тепла. Из-за живой изгороди вышел Дамиан. Он шел уверенной, легкой походкой воина, и его приталенный камзол цвета полуночного бархата благородно отливал чернильным блеском на солнце. Воротник-стойка с искусной серебряной вышивкой в виде крыльев сокола обрамлял его резкие, словно высеченные из мрамора черты лица. Но главным были его глаза. Яркие, пронзительно-голубые, цвета арктического льда. Сейчас в них не было боли — только мягкое, обожающее восхищение. Дамиан остановился в двух шагов и, улыбнувшись своей чарующей, легкой улыбкой, грациозно склонил голову в галантном поклоне, приветствуя её по всем правилам придворного этикета. Тело лавандовой леди само по себе, подчиняясь заученному сценарию сновидения, начало приседать в изящном реверансе. Юбка мягко коснулась травы. Дамиан сделал шаг вперед, сокращая расстояние, и протянул к ней руку ладонью вверх. Анна почувствовала реальное, обжигающее тепло его пальцев, когда он бережно взял ее за ладонь. Это прикосновение было в тысячу раз более живым, настоящим и осязаемым, чем все объятия отца или доктора Бруни в Италии. — Этот сад блекнет по сравнению с вашей чистотой, Анима, — тихо, с безграничной нежностью произнес он, поднося её руку к своим губам. Но в этот самый миг идеальная картина сна дала глубокую, пугающую трещину. Защитный барьер лекарства Бруни, отключивший будильники наяву, сработал слишком сильно, вызвав глитч системы. Дамиан резко замер. Его чарующая, легкая улыбка мгновенно исчезла с мраморного лица. Он проигнорировал ладонь лавандовой леди и медленно, с каким-то пугающим, осознанным напряжением повернул голову в сторону. Его пронзительные голубые глаза сфокусировались не на пространстве сада и не на своей собеседнице. Он пристально, в упор посмотрел прямо в глаза Анны-призрака, скрытой внутри этого тела. По спине Анны пробежал ледяной пот. Этот взгляд не был случайным — Дамиан смотрел на неё так, словно видел её насквозь сквозь время и плотные слои чужих сновидений. В его глазах отразилось мрачное, предупреждающее знание и дикая, разрывающая сердце боль. Сад вокруг начал стремительно, кошмарно меняться. Идеальные белые розы на глазах чернели, обугливались и осыпались серым пеплом. Журчание фонтана превратилось в далекий, нарастающий гул свинцового моря, а золотой солнечный свет стал блекнуть, пропуская грозовые тучи. Пространство сада с грохотом сложилось внутрь себя, превращаясь в тот самый роковой, каменистый обрыв утеса Роккабруна. Вокруг Анны с новой силой взревело свинцовое море, швыряя антрацитовую пену на камни. Ледяной ливень мгновенно хлынул стеной. Дамиан упал на колени прямо в грязь, подставив лицо безжалостным каплям дождя. Но в этот раз петля времени не заставила его просто молчать. Он медленно поднялся на ноги, его темные мокрые волосы облепили лоб, а пронзительно-голубые глаза сфокусировались на пустом пространстве у края скалы, где стояла Анна. — Анна! — его сорванный, оглушительный крик эхом раскатился над бездной, перекрывая рев шторма. И в то же мгновение мир вокруг начал стремительно искажаться, разлетаясь глубокими зигзагообразными трещинами. В голове Анны мгновенно нарастала чудовищная, пульсирующая боль. Мощное успокоительное, которое ввел ей доктор Бруни, должно было намертво заглушить работу уставшего разума, погрузив его в блаженное химическое

небытие. Но её воспаленное подсознание, подстегнутое этим отчаянным ночным криком, взбунтовалось, силой проламывая барьеры медикаментозного сна. Психика не выдержала такой перегрузки. Анна резко открыла глаза наяву и судорожно вздохнула, хватая ртом воздух... Рядом с кушеткой стоял напуганный отец и доктор Бруни, который только что торопливо извлек иглу шприца из ее вены.

— Тише, тише, синьорина, — мягко произнес Бруни, но в его стальных глазах промелькнуло жесткое, профессиональное недовольство. — У нее начались судороги во сне. Организм отчаянно борется с действием седативных препаратов. Ей нужен глубокий клинический покой.

ГЛАВА 2. Рецепт забвения .

Две недели домашнего ареста превратились в липкий, тягучий кошмар, запертый в четырех стенах. За окном расстилалась безупречная, открыточная Италия. Синее море лениво лизало песчаный берег, аккуратные домики под черепичными крышами грелись в лучах полуденного солнца, а пальмы мерно покачивались от легкого бриза. Но для Анны весь этот пейзаж потерял объем. Ей казалось, что кто-то нарисовал этот идеальный мир на огромном холсте и натянул его прямо перед ее окнами, чтобы скрыть то, что находилось по ту сторону. Каждое утро начиналось с одного и того же ритуала. Отец входил в ее комнату, держа в руках стакан с чистой водой и темный флакон доктора Бруни. На его обветренном лице читалась такая беспредельная, щемящая забота, что Анне хотелось разрыдаться. Она послушно открывала рот, принимала лекарство, дожидалась, пока Томас ласково погладит ее по голове и выйдет, притворив дверь. В ту же секунду Анна срывалась с постели, бросалась к раковине в ванной и с ожесточением выплевывала маслянистую горькую жидкость, тщательно полоща рот. Без седативных препаратов Бруни ее мозг, лишенный искусственного торможения, начал работать на пределе, накручивая пугающую, лихорадочную паранойю. Глубокой ночью, когда квартира погрузилась в тяжелую, звенящую тишину, Анна прокралась в гостиную. Ей нужно было найти рациональные зацепки. Доказать себе, что она не сходит с ума, или… отыскать логические истоки своего безумия. Шатаясь от слабости, она опустилась на колени перед старым комодом, куда отец при переезде сложил немногие уцелевшие личные вещи матери. Пальцы Анны дрожали, когда она вытащила старую, обтянутую потертым бархатом шкатулку Элеоноры. Анна открыла крышку, перебирая скромные английские цепочки и памятные безделушки из Рединга. Внезапно её взгляд замер, а сердце пропустило удар. На самом дне, завернутая в клочок старой замши, лежала старинная серебряная брошь. Анна медленно вытащила ее на свет луны, пробивающийся сквозь жалюзи. Это был крупный, чистейший сапфир в тяжелой серебряной оправе, выполненной в виде раскинутых крыльев хищной птицы. Точно такая же брошь скрепляла ворот сорочки Дамиана в ее сегодняшнем сне.

Анна сглотнула подступивший к горлу ком. Рациональная часть ее разума испуганно забилась: мама никогда не носила эту брошь в Италии, но Анна наверняка видела ее в глубоком детстве, в Англии, когда шкатулка еще стояла на видном месте. Ее воспаленный мозг просто выудил этот старый забытый образ из подсознания и вплел его в ночной бред для достоверности.

Она задвинула ящик и перевела взгляд на рабочий стол отца. Среди документов сиротливо белел старый блокнот Томаса, который он вел еще в Англии, когда работал архитектором-реставратором и изучал древнюю европейскую кладку. Анна лихорадочно перелистала пожелтевшие страницы. Наброски фасадов старинных церквей, капители колонн… и вдруг — детальный эскиз каменного утеса, обрывающегося в ревущую пустоту, выполненный черной тушью. В углу страницы размашистым почерком отца было выведено латинское название реставрационного проекта: *Damianus*.

Анна отшатнулась от стола, тяжело дыша и прижимая ладони к вискам. Голова снова взорвалась тупой болью. Все встало на свои места с пугающей, медицинской точностью. Ника-

кого средневекового мира не существовало. Ее подсознание, сломленное стрессом, языковым барьером и чувством вины, просто сконструировало эту яркую фэнтези-иллюзию из осколков ее истинного прошлого — из маминой броши и из старых рисунков отца-архитектора. Это был классический синдром Капгра. Ее мозг создал сказку, чтобы спрятаться от невыносимой реальности, где ее мать медленно умирала, а отец ломал спину на стройке. К концу первой недели изоляции этот ментальный сдвиг дал глубокую, необратимую трещину. Это произошло во время обычного семейного обеда. Анна вышла на кухню. Из спальни, опираясь на плечо мужа, медленно вышла Элеонора. На маме был все тот же блеклый кардиган и серая шаль. Отец бережно усадил её на стул, налил травяной чай и принялся аккуратно нарезать для неё тосты. Это была наполненная тихой любовью сцена. Но Анна смотрела на них и чувствовала, как внутри разливается леденящий, парализующий ужас. «Это просто мой мозг симулирует их, — билось у нее в висках. — Мой разум знает, как выглядит папа, и использует его широкие плечи как каркас для Дамиана из отцовского же блокнота. Это не папа, это марионетка». Взгляд Анны упал на руки отца. Из-за того, что Томас взял двухнедельный отпуск, серый строительный цемент, ссадины и кровь под ногтями исчезли. Его ладони стали чистыми. И ее воспаленный разум сделал из этого безумный вывод: *«Его перерисовали. Детали стерты за ненадобностью»*. Читатель в этот момент испытывал настоящий ужас от того, насколько глубоко болезнь и отмена сильных лекарств выжгли ее здравый смысл, превратив любящих родителей в «восковых двойников». Доктор Бруни навещал их каждые три дня. Пожилой итальянец вежливо улыбался, доставая тонометр, мягко расспрашивал Анну о самочувствии. Анна научилась безупречно притворяться: она ровно дышала и уверяла врача, что капли ей помогают. Но от Бруни по-прежнему пахло удушливым шалфеем и мятными каплями, сквозь которые ей мерещился запах сырости. В конце одного из визитов, уже в коридоре, Бруни тихо, но отчетливо произнес, обращаясь к Томасу: — Будьте очень бдительны, синьор Блейк. При глубоких психозах пациенты часто начинают видеть в самых близких людях чужаков. Синдром Капгра — опасная вещь. Если заметите у Анны отрешенный взгляд — немедленно увеличивайте дозу. Анна слышала это из-за двери. Бруни казался ей главным стражем ее ментальной тюрьмы. Но самым страшным ударом для нее стала полная, звенящая пустота, которая обрушилась на нее ночью. Из-за того, что она тайно отменила капли и сломала химический баланс мозга, мир сновидений заблокировал ей доступ. На протяжении нескольких ночей подряд, едва закрывая глаза, Анна оказывалась не на каменистом обрыве и не в цветущем саду. Вокруг нее раскинулся глухой черный вакуум. Ни звуков шторма, ни лая собак, ни отчаянного крика Дамиана. Скала была пуста. Дамиан исчез. Анна просыпалась в холодном поту, с беззвучным криком на губах. Ее охватывала дикая, лихорадочная паника: неужели она разрушила единственный мостик, связывавший её с той яркой иллюзией? Без ночного мира ее итальянская реальность потеряла последний смысл. Ей нужно было вернуться туда любой ценой, и для этого ей требовался союзник. Живой, настоящий человек за пределами этой квартиры. Едва две недели домашнего ареста подошли к концу, Анна, превозмогая слабость, собрала рюкзак. Она была готова вернуться в колледж, но не ради учебы, а ради Лео — единственного человека, которому она еще могла верить. Выход на улицу после двух недель добровольного заточения дался Анне с трудом. За окнами квартиры расстилался Лазурный берег, но для её обострившегося, измученного восприятия реальность словно потеряла былую детализацию и начала «сбоить». Шагая по мостовой, Анна кожей чувствовала, как тяжело её сознанию прорисовывать мир вокруг. Лица случайных прохожих на долю секунды казались смазанными, нечеткими овалами бледной кожи, неоновые вывески кафе шли едва заметной цифровой рябью, а привычный шум автомобильных моторов парадоксальным образом трансформировался в ушах, напоминая монотонный, низкий гул трансформатора или далекий рев свинцового прибоя. Она судорожно проверила шрам на шее — кожа под пальцами была горячей. Возле массивных дубовых ворот колледжа имени Данте Алигьери её уже ждал Лео. Увидев Анну, он буквально просиял, и его орехово-зеленые глаза за стеклами

круглых очков зажглись неподдельной, искренней радостью. На нем был все тот же свободный вязаный свитер цвета сухой травы с растянутыми манжетами, а в руках он держал толстую папку. Но заметив, как Анна мелко дрожит от прохладного утреннего ветра и как отрешенно смотрит в пустоту, Лео мгновенно посерьезнел. — Так, никаких лекций на голодный желудок, — безапелляционно заявил он, мягко перехватывая её за локоть. — Посмотри на себя, ты же прозрачная. Бьянки подождет. Он буквально заставил её зайти в маленькое студенческое кафе напротив ворот, где пахло свежей выпечкой и крепким кофе. Лео решительно усадил её за угловой столик, заказал горячую бриошь и чашку чая с лимоном. — Я места себе не находил эти две недели, Анна, — негромко произнес он, пододвигая к ней тарелку. Его голос, обычно легкий, сейчас вибрировал от настоящей человеческой заботы. — Этот Бруни никого к тебе не пускал, забаррикадировал квартиру. Я трижды приходил к твоему дому, но твой отец… Томас, верно? Он даже на порог меня не пустил. Выглядел ужасно, руки серые, трясутся, твердил, что тебе нужен абсолютный клинический покой. Бруни запретил любые контакты. Вот, держи, — Лео положил на стол папку. — Я переписал для тебя абсолютно все лекции по истории искусств и архитектуре. Писал разборчиво, честно, даже дурацкие шутки профессора Бьянки туда зарисовал в картинках. Только не замыкайся в себе, ладно? Анна взяла папку, глядя на его растрепанные светлые волосы и след от чернил на щеке. Лео казался ей единственным живым, осязаемым спасательным кругом в этом фальшивом, восковом городе. «Он настоящий, — думала она. — Он не марионетка, как родители. Его Бруни еще не перерисовал». — Синьорина Блейк, — строго произнес он из-за своих тяжелых роговых очков, постукивая ручкой по кафедре. — Раз уж вы снова с нами, будьте добры, прочтите с листа тезисы по лигурийской фортификации. С места, пожалуйста. Анна поднялась, чувствуя, как десятки глаз однокурсников мгновенно уставились на неё с холодным любопытством. Она открыла учебник, но буквы на чужом языке начали прыгать и кривиться перед глазами, напоминая острые, изогнутые шипы черных роз. Горло пересохло. Лео с заднего ряда отчаянно пытался знаками и шепотом подсказать ей первую фразу, но Анна лишь беспомощно ловила ртом воздух. По аудитории прошел тихий, снисходительный смешок. Бьянки раздраженно вздохнул. — Садитесь, синьорина. Я вижу, капли доктора Бруни еще не до конца вернули вам концентрацию. Перейдем к визуальному материалу. Он выключил свет в аудитории. Зал погрузился во тьму, и профессор запустил проектор. На большом экране начали сменяться слайды средневековых замков Лигурии. Анна сидела, сжимая кулаки под столом, пока очередной резкий щелчок проектора не заставил её сердце остановиться. Свет от экрана выхватил её бледное лицо из темноты. На слайде появилось изображение древних, полуразрушенных стен, венчавших высокую, отвесную каменную скалу над бушующим морем. Каменная кладка поросла диким плющом, крыша башни давно обвалилась, но очертания этого места… Анна узнала бы их из миллионов. Это были те самые башни, которые возвышались позади цветущего сада в её ночных кошмарах. Ей показалось, что от экрана физически пахнуло солеными брызгами, озоном и гарью сгоревших роз. У нее перехватило дыхание, началась полноценная паническая атака. Она оглянулась на Лео — тот завороженно смотрел на экран, ведь это была тема его диссертации. — Перед вами Кастелло ди Роккабруна, — монотонно бубнил Бьянки. — Руины замка тринадцатого века, расположенные в паре часов езды от нашего городка, на изолированном утесе. Согласно местным хроникам, замок принадлежал древнему роду, чья мужская линия прервалась при трагических обстоятельствах во время средневекового восстания… Анна не дослушала. Охваченная диким, лихорадочным ужасом, она сорвала рюкзак со стула и, тяжело дыша, выбежала из темного зала под недоуменные взгляды профессора. Читатель в этот момент понимал: мания девочки зашла в смертельное пике — её подсознание связало реальный географический объект Лигурии, который она могла мельком видеть на буклетах при переезде, с деталями своего безумия. Она бежала по коридорам, пока не скрылась в прохладной, пахнущей пылью и старой кожей библиотеке колледжа. Лео нашел её через двадцать минут. Она сидела прямо на

полу в самом дальнем углу архива секции «История Лигурии», поджав колени к груди. Парень не стал задавать лишних вопросов и устраивать допрос. Он мягко помог ей подняться, усадил за массивный дубовый стол у окна и принес обещанный горячий чай. Затем Лео ушел вглубь архивного хранилища и вернулся, неся две увесистые, потемневшие от времени папки со старинными картами и рукописями. — Ты просила Роккабруну? — тихо спросил он, присаживаясь рядом и открывая первую страницу, пахнущую вековой пылью. Его ореховые глаза за стеклами очков светились глубоким беспокойством. — Этот замок действительно окутан мрачными легендами Лигурийского побережья. Смотри, я переведу тебе этот манускрипт 1284 года. Лео лихорадочно перелистывал пожелтевшие страницы, водя пальцем по каллиграфическим латинским строчкам. — Хроники говорят, что во время осады Цитадели бунтовщиками невеста последнего лорда в панике бросилась с обрыва утеса прямо в штормовое море, спасаясь от преследователей с собаками. Ее тело так и не нашли. А лорд… лорд Дамиано, или на старый манер Дамиан, полностью сошел с ума от горя. До конца своих дней он не верил в её гибель. Он утверждал, что её душу «похитил чужой, фальшивый мир», и пытался докричаться до неё сквозь пространство. Лео помедлил, грустно улыбнулся и покачал головой. — Здесь даже есть забавные средневековые метафоры. Пишут, что маги бунтовщиков умели стирать память пленных, погружая их в ментальное беспамятство и создавая для их душ ложные иллюзии жизни, чтобы выкачать их силу. Но это, конечно, обычные сказки Лигурии для привлечения туристов. Парень просто потерял рассудок от страшного горя, бедняга. Реальность ломает людей. Субботнее утро встретило Анну душным, липким маревом. Солнце, едва поднявшись над горизонтом Лазурного берега, казалось тусклым, плоским диском, вырезанным из желтой фольги. Накануне вечером она соврала отцу, что колледж организует обязательный выездной семинар по средневековой архитектуре, и Томас, все еще бледный и виной заглядывающий ей в глаза после её недавнего обморока, без лишних вопросов протянул ей несколько смятых купюр на автобус. В кармане её джинсовки лежал листок с подробным маршрутом, который Лео тайно вложил в её конспект перед уходом из библиотеки. На обороте его размашистым, торопливым почерком было приписано: *«Будь осторожна. Там дикие места, крутые обрывы, а прогноз погоды на субботу отвратительный»*. Пригородный автобус был полупустым. Он тяжело хрипел на крутых поворотах, петляя по узкому горному серпантину. С одной стороны над дорогой нависали серые известняковые скалы, с другой — ослепительно синело море. Но Анна не смотрела в окно. Она судорожно сжимала в руках лямки рюкзака, борясь с нарастающей тошнотой. Её разум, лишенный седативной защиты капель Бруни, лихорадочно перебирал слова из архивных хроник, которые Лео перевел ей в библиотеке. *«Ее душу похитил чужой, фальшивый мир… он пытался докричаться до нее сквозь пространство…»* Автобус высадил её на пустынной остановке у самого подножия мыса и, обдав облаком дизельного выхлопа, скрылся за поворотом. Дальше цивилизация заканчивалась. Наверх вела едва заметная, каменистая тропа, густо заросшая сухим, колючим чертополохом и искривленными стволами диких олив. Чем выше поднималась Анна, тем сильнее менялась природа вокруг, словно подстраиваясь под её внутренний хаос. Яркое средиземноморское тепло стремительно вытеснялось тяжелыми, свинцовыми тучами, которые наползали с самого горизонта, пожирая синеву неба. Морской бриз в считанные минуты превратился в резкий, ледяной ветер, который с первобытной яростью швырял в лицо соленые брызги и мелкую каменную крошку. Перед ней лежали руины Кастелло ди Роккабруна. В реальности Лигурии это был печальный, полуразрушенный памятник истории. Каменные стены замка были практически сравнены с землей, башни обвалились, а внутренний двор зарос высокой, пожухлой травой. Но для воспаленного взгляда Анны очертания этих руин идеально, до единого сантиметра наложились на ту картинку, которую её подсознание хранило из ночных видений. Она медленно пошла по заросшему двору, шатаясь от порывов ветра. Кеды шуршали по мокрой траве. Но стоило ей сделать несколько шагов вглубь, как шрам на шее взорвался жгучим, пульсирующим ожогом.

В ту же секунду изнутри, прямо за глазными яблоками, рванула такая дикая, ослепляющая вспышка боли, что Анна пошатнулась, судорожно прижав ладони к вискам. Это была не просто головная боль — сознание расколол страшный спазм, похожий на мигренозный удар. Зрение по краям мгновенно поплыло, подернувшись зигзагообразными светящимися искрами. Вместе с этой физической мукой, ломая ментальные кости, в её разум насильно хлынули чужие, ослепительно яркие, но пугающе отстраненные картины прошлого. Она смотрела на полуразрушенную каменную кладку, поросшую серым мхом, но сквозь пелену боли и плывущие перед глазами черные круги видела величественные, белоснежные стены Цитадели, залитые ласковым, золотым солнцем тринадцатого века. В ушах, пробивая пульсирующий стук крови, вдруг раздался тихий, хрипловатый, безумно родной смех. Новая судорога пронзила голову, заставив Анну согнуться пополам. В этой болезненной вспышке она увидела, как прямо у этой обвалившейся арки Дамиан ловит за руку девушку. Он перехватывает её пальцы с обжигающим теплом, его благородный чернильный бархат камзола ласкает её ладонь. Но когда Анна в этом ментальном спазме попыталась вглядеться в лицо беглянки, её пронзил леденящий ужас. Лицо девушки было абсолютно размытым, блеклым, лишенным каких-либо черт, словно недорисованный эскиз на изношенном холсте. Это была не Анна. Это была чужая лавандовая леди, чью судьбу её собственный угасающий разум пытался украсть из архивных хроник. Наяву Анна судорожно сжала ладонь в кулак, чувствуя, как от этой ментальной изоляции и невыносимого одиночества слезы закипают в глазах. Шаг за шагом, превозмогоя тошноту и пульсацию в висках, Анна вышла к самому центру двора, где из земли торчали обломки круглого мраморного основания. И снова мозг прошила раскаленная игла мигрени, принеся очередную теплую, но мучительную картину. Она вспомнила этот фонтан живым. Вспомнила, как струи чистой прохладной воды с тихим журчанием взлетали к небу, а воздух был пропитан сладким, пьянящим ароматом распустившихся белых роз. В том видении Дамиан стоял прямо здесь, опершись на мраморный парапет. Его резкие, словно высеченные из мрамора черты лица были мягкими, а пронзительно-голубые глаза цвета арктического льда светились безграничной, обожающей нежностью. Он протягивал сорванную белую розу той самой безликой, размытой фигуре. Анна открыла глаза, тяжело дыша. Перед глазами все еще стояла мутная пелена, а виски ломило так, будто их сжали тисками. Воспоминание растаяло, оставив после себя лишь глухую физическую муку и серый пепел реальности Лигурии. Сейчас здесь рос только чертополох. Внезапно небо над мысом окончательно потемнело, словно наступили глубокие сумерки. Ливень хлынул стеной — резкий, ледяной, неестественно яростный шторм. Вода в секунды пропитала её джинсовку, одежда потяжелела, путаясь вокруг ног. Ветер ревел над обрывом с такой силой, что в его вое Анне вдруг отчетливо, с леденящим ужасом послышались посторонние, галлюцинаторные звуки: яростный, хриплый лай охотничьих собак и грязные ругательства на незнакомом, древнем наречии. Психоз достиг своего пика. Реальность вокруг неё трещала по швам, не выдерживая давления её собственной мании. Ведомая слепым, безумным инстинктом, Анна бросилась к самому краю утеса, туда, где отвесная скала обрывалась прямо в ревущую, антрацитово-черную бездну моря. Волны внизу с грохотом разбивались о каменное подножие, взбивая клубы грязной пены. Она замерла у самой бездны, на грани падения. Ей казалось, что если она сделает этот шаг, то проснется, разорвет эту душную, фальшивую реальность Италии и вернется в объятия своего лорда. — Дамиан! — в полном отчаянии крикнула она в пустоту шторма, перекрикивая рев ветра. И в ту же секунду сквозь пелену ливня, на противоположном, недоступном выступе скалы, её воспаленный мозг нарисовал смутную, темную фигуру. Высокий, циклопический силуэт мужчины. Ветер трепал его мокрые темные волосы, а его руки были отчаянно протянуты к ней сквозь шторм. Черты лица тонули в потоках воды, но сквозь рев бури её сознание отчетливо услышало его пронзительный, полный невыносимой боли зов: *«Анна!..»* — Анна, нет! Назад! — раздался дикий, срывающийся на хрип человеческий крик. Чьи-то сильные, судорожно цепляющиеся руки мертвой хваткой схватили её сзади за плечи

и с огромным, отчаянным усилием рванули назад, оттаскивая от края обрыва. Анна вскрикнула, отбиваясь, ноги её скользнули по мокрой грязи, и они вместе сзади стоящим человеком повалились на жесткую, заросшую траву внутреннего двора. Над ней, тяжело и прерывисто дыша, лежал Лео. Его куртка была насквозь мокрой, круглые очки залиты каплями дождя и съехали набок, а в орехово-зеленых глазах застыл неподдельный, дикий, смертельный испуг. Он дрожал всем телом, сжимая её плечи так сильно, что наверняка останутся синяки. — Ты сумасшедшая?! Ты что творишь?! — прокричал Лео прямо ей в лицо, пытаясь перекрыть грохот шторма. Из-за разбитой о камни ладони у него текла кровь, смешиваясь с дождевой водой. — Я поехал за тобой на следующем автобусе, потому что ты выглядела странно в библиотеке! Я видел, как ты шла к краю! Еще шаг — и ты бы разбилась о камни! Ты бы погибла, Анна! Анна судорожно обернулась, глядя сквозь пелену слез и дождя на обрыв. На противоположной скале никого не было. Только пустой, мокрый камень, серая мертвая трава и ревущее свинцовое море. Галлюцинация исчезла, оставив после себя лишь выжженную пустыню в её груди. Реальность Италии снова сомкнулась вокруг нее, жесткая и холодная. Лео с трудом помог ей подняться, бережно укутывая её в свою сухую с изнанки куртку. Его руки крепко держали её, не позволяя упасть, но Анна смотрела на него сквозь капли дождя и понимала: её сны больше не принадлежат ночи. Они вышли наяву. Границы её осязаемого мира начали истончаться прямо средь бела дня.

ГЛАВА 3. Границы изношенного холста

Италия пахла как раскаленный утюг, которым пытаются разгладить мокрую, грязную шерсть. Анна лежала в постели, зажатая в тиски сорокаградусного жара. Субботний ливень на мысе Роккабруна не прошел даром: промокшие до нитки кеды и ледяной ветер Лигурии свинтили её организм в бараний рог. Мир вокруг вибрировал и пугал своей instability. Ей казалось, что стены спальни медленно, тяжело дышат — сжимаются и расширяются в такт её собственному прерывистому дыханию. Капли конденсата на оконном стекле в тусклом свете уличного фонаря казались ползущими каплями жидкой ртути. Она попыталась дотянуться до стакана с водой на тумбочке, но её рука показалась ей чужой, длинной, словно принадлежащей какому-то другому существу. Простыни сбились под телом в жесткие, липкие от пота жгуты и казались влажным саваном, который намертво прилипал к горящей коже. Шрам на шее горел так, словно под кожу живьем загнали раскаленную иглу. Она металась по подушке, ловя ртом душный воздух. Разум, лишенный химической защиты капель Бруни и подстегнутый лихорадкой, окончательно сорвался с петель. Реальность Лазурного берега начала крошиться, смешиваясь с какими-то чужими, подсознательными пластами. Вспышка боли. Картинка сменилась так резко, словно в лицо с размаху плеснули ледяной океанской водой. Анна больше не чувствовала своего восемнадцатилетнего тела. Она была крошечной, новорожденной, завернутой в грубую, промокшую насквозь ткань. Вокруг выла страшная, первобытная буря — это был не просто ветер Лигурии, это был оглушительный, тектонический вой шторма тринадцатого века, от которого, казалось, раскалывались сами скалы. Ее куда-то спешно, почти в панике несли чужие, спотыкающиеся руки. Младенец внутри нее смутно, на грани инстинктов понимал: её не просто бросают, её отчаянно *прячут*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.